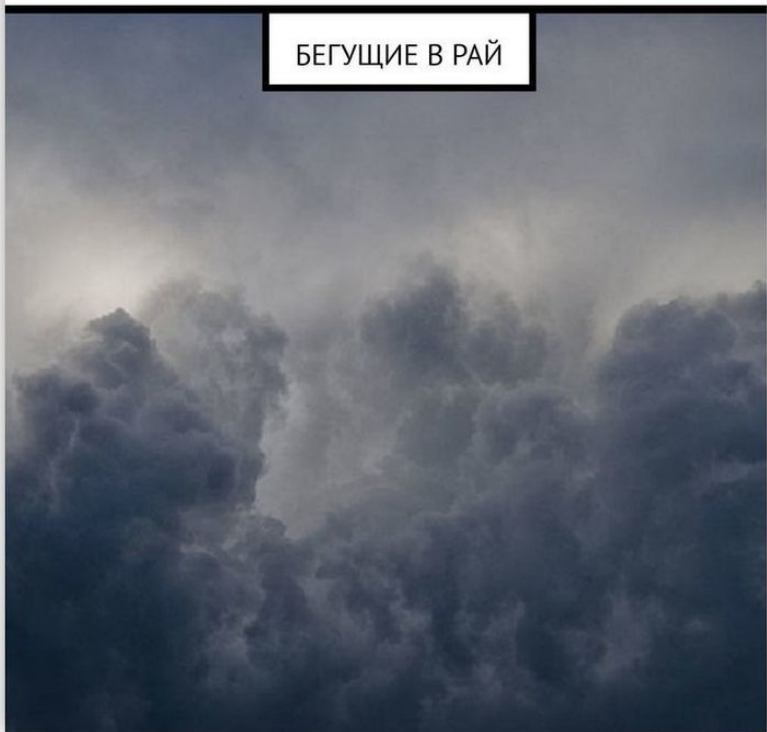

18+

РЕМ ВОРД

Наука религия

БЕГУЩИЕ В РАЙ

Рем Ворд
Наука религия. Бегущие в Рай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34713009

ISBN 9785449303288

Аннотация

Наука и религия объединяются в единое целое. Можете ли представить? Мы думаем, спорим, отыскиваем любовь и строим лестницу в небо.

Содержание

Телефон для разговоров с мертвыми	11
Тур Алекс – новичок Лазарета	19
Строительство Нового Лазарета	22
Знакомство у Кухни	26
Ангельская кровь	32
Новый друг	38
Соревнование между мальчиками	41
Рассказ о лошади, и прочем	43
Я ищу себя в зеркале	51
Настоящая работа	57
Первый опыт скачивания файлов мозга	64
Информация вакуума	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Наука религия Бегущие в Рай

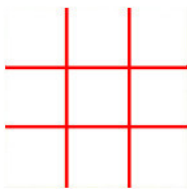
Рем Ворд

*Не знаешь, что делать? Читай эту книгу
Пока не запретили*

© Рем Ворд, 2021

ISBN 978-5-4493-0328-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интересно знать, как выглядит обобществленное сознание, способное стать основой совершенного мира. Люди – компьютеры, включенные во Всемирную Сеть, общающиеся

со всеми, ныне, или в прошлом: что это? Знающие, могущественные, бессмертные; быстрее всех прибежавшие в Рай.

На этом пути может быть немало ответвлений. Пожалуй, лучше всего тему раскрывает британский телесериал «Черное зеркало». Компьютеры – невероятное дополнение человека, его шанс на бессмертие, непреходящую радость или кошмар.

В книге показывается, что уже имеющаяся биологическая основа человека имеет огромный ресурс совершенствования. Компьютеры, смартфоны, прочие гаджеты – всего лишь костыли для поднимающихся к небесам людей. И, когда-нибудь настанет время их решительно отбросить.

...Периодически поднимается идея: в человека будущего вживлен чип; определитель месторасположения, являющийся паспортом, кошельком, медицинской картой, и тому подобным.

Связь с ним, однако, легко экранируется слоями металла, бетона, воды или земли. Помехи могут быть вызваны грозами, магнитными бурями, пространственной удаленностью устройств.

Поэтому следующим шагом мировой порядок предполагает исход человечества в единственный, рассчитанный на несколько миллиардов человек, Дом. Жить вне его пределов запрещено.

Все пространство здесь охвачено вай-фаем, так, что любой человек постоянно находится на контроле Правитель-

ства. Если он начинает делать что-то не так, его очень быстро останавливают.

Но человеку свойственно стремление к разнообразию. Иначе жизнь становится просто-напросто невозможна. Дом разделен на обособленные Сектора. В каждом из них свой уклад жизни, архитектура, температура и влажность. Иногда, в согласии с некими принципами, жители перемещаются в другие места. Обитатель технологически развитого, напоминающего офис УниверСити переводится в Сетан, стилизованную Среднюю Азию, с финиками и жарой. Счастливый рантье АурумСити проваливается в ЭкзоСити, тюрьму с сугробами и похлебкой, за которую надо жестоко драться. Такое положение вещей устраивает хозяев Дома – ведь игра судьбами никогда не придается.

Практически все, что рассказывалось о них и Доме, осталось в удаленных шести главах.

По всему Дому расположены Терминалы. Чтобы жить, люди регулярно должны перерегистрироваться. Нечто подобное этому обычаю уже распространено. Так устроены все социальные сети. Периодически вы «теряете» свой пароль. Система отвергает ваш вариант, хотя ошибки быть не может. Вы восстанавливаете его, запросив код подтверждения, который приходит на ходовой мобильный телефон.

Сегодня пользователи «регутся», чтобы войти в Сеть, а послезавтра будут регистрировать всего себя у устройств, несколько напоминающих современные платежные терми-

налы.

При регистрации мы вводим «каптчу» – набор букв и цифр. Стоит несколько отклониться от психической нормы, и это уже довольно трудно.

На смену ей придет интерактивный фильм. Буквы и цифры мелькают на экране, складываясь в невидимые вопросы. Наблюдая ответную реакцию, машина определяет ваши настроения и мысли. Подобное психотехнологическое устройство (MindReader) создано уже в начале девяностых годов. Программа диагностирует умонастроение в объеме, неведомом даже самому обладателю мозга. «Распахни душу. Будь ребенком. Настройся на добро» – после этого призыва, машина запросто извлекает из вас все, о чем вы думаете, что помните и что давным-давно забыли.

Во всеобщем употреблении Терминалы появятся сначала в корпорациях и правительственных структурах. Затем займут аэропорты, вокзалы, улицы, супермаркеты и перекрестки.

Вряд ли на роль Терминала подойдет обычный компьютер. Социальная роль устройства слишком велика, требует некоторого внешнего почитания. Ноутбук, регулярно подвергаемый воздействию пролитого кофе, не может вызывать подобного уважения. Терминалы Личности установят в общественных местах, где они будут, по меньшей мере, защищены от вандализма.

Избежать этого вряд ли возможно. Природа любит прове-

рять все на практическом опыте.

Благодаря программе Сильного Интеллекта, повзрослевшие смартфоны смогут общаться со своими хозяевами, советовать и направлять. Мобильный Друг разумно распоряжается деньгами, подыскивает работу, спутника жизни и наиболее приемлемый путь. Начнется все это с того, пожалуй, что мобильные телефоны будут выдавать контекстную рекламу не только читая то, что мы пишем, но и подслушивая.

Впрочем, это уже есть.

Средства связи превратятся в домашних питомцев. Сейчас они призывают нас мерцанием и вибрацией, в будущем могут подойти и укусить. Будут сопровождать вас везде, помесь кальмара и краба, обвивая вашу плоть. Такие они, станут Ассистентами, способными провести линию связи между Правительством и человеком.

...В новом, насквозь контролируемом мире Дома, у людей не хватает бессмертия. Прежние религии забыты или не воспринимаются всерьез. Веры в посмертное существование нет.

Состоятельные люди желают достичь вечной жизни самостоятельно.

Души пяти человек из созданной в СССР группы Хранителей, просыпаются в гуще Мирового Порядка. Их вычисляют через Ай-Ди Терминалы. Предлагают возглавить дело воскрешения заказчиков-Трастов из любой степени разложения. Ведь только граждане бывшей супердержавы обла-

дают неким Знанием. Им предоставляется неограниченное финансирование, материалы и работники на выбор.

И, они соглашаются.

Хант – механик третьего уровня.

Харт – служитель Скорой Помощи.

Стела – танцовщица Дико, психолог. Погибает от «болезни Свалки». Агент «Лазарета» в потустороннем мире.

Тим – офисный планктон, мечтающий стать шпионом с лицензией на убийство.

Дори – тинэйджер, не желающий стареть.

Еще есть Алекс Тур, тринадцатилетний ученый, от лица которого ведется рассказ о Лазарете, его компаньоны и Друзья: Детка, Ливи, Эри, Хетт, Кайра, Агата, Бинга, Макс Груденер, и другие.

Они еще не собрались. Живут в разных углах колоссального Дома.

Дом – крепостное право, выросшее из системы контрактов, подобных тем, что ныне применяются к профессиональным спортсменам. Феодальные отношения, социализм, коммунизм и фашизм, разделенные крепкими переборками, на фоне развитого технократического общества. Нечто подобное есть на фотографиях китайского города Коулун-сити – сросшиеся многоэтажные здания с парой внутренних дворов. Необъятная коммунальная квартира.

Население – миллиард человек, в здании столь высоком, что на верхних этажах уже не хватает воздуха для дыхания.

Зачем Дом создан? Защита от терроризма, в условиях того, что бомба, подобная по силе ядерной может быть создана на кухне, дошедшая до абсурда охрана окружающей среды, контроль над капризным человечеством. Но, наверное, об этом лучше знают те сервисы, которым всегда так хочется знать ваше местоположение, номер телефона, много чего, которым удобнее иметь дело с людьми, постоянно обитающими в пронизанном вай-фаем пространстве.

1

1. Коулун-Сити, прообраз Дома

Телефон для разговоров с мертвыми

...Чтобы избежать встреч с особами высшего статуса, Хант заказал трехмерный лифт на одного.

Минус 25 единиц за некоммуникабельность, – отреагировал Прилипала.

Может, сегодня это позволительно?

Вверх, вправо, влево, вниз – и лифт останавливается. Непривычно быстро проявилась окраина квартала. Здесь можно встретиться с юным собой. Зачерпнуть смысл из детства. Сейчас это важно, увидеть вкусное прошлое.

На перекрестке коридоров Хант несколько минут рассматривал люк в Сетан. Всего в паре метров скрыт совсем другой мир. Часть Дома, устроенная под патриархальную жизнь с инкубаторами детей для производства работ в цивилизованных Секторах. Средневековая Азия. Стоит как-то открыть люк, сделать несколько шагов, и в лицо дохнет новизной; запахом песка, наметённого на бетон, инжира и соленой крови. Невообразимые для УниверСити толпы родственников, неотличимое от настоящего мясо, финики, халва, непререкаемая власть главы семьи и торговые лавки без ценников.

Кроме Сетана Хант бывал лишь в Экзо Сити, по при-

глашению, предоставленному Прилипалой. Патрубки холодильных установок, тюремные камеры, похожие на котлы, слезы и ярый хохот ещё более бесправных, чем он сам, заключенных. Атракцион для тех, чье тайное желание мучиться и сбегать.

Хант подошел к перегородке, отделяющей мир от Свалки одного из внутренних дворов Дома, масштабной, доходящей почти до Крыши. Когда то здесь располагался парк с фонтаном посередине.

Свалка поражала воображение. Она похожа на иссохший в свете сверхновой звезды океан. Барханы тряпья, некогда бывшего чьей-то одеждой. Эта цистерна – кит без хвоста, а если вывернуть точку зрения – смятый батискаф. Посуда, бытовая техника, разворошенная мебель. Некоторые из вещей, снабженных собственными источниками питания, издают странные звуки, будто призывая отреставрировать их и вернуть к прежней жизни.

Кости безымянных людей, те, которые не были переработаны на утилизирующих заводах, образуют обширные геологические пласты. Дыхание труб вентиляции заставляет пепел порхать, словно рваное конфетти. Если сейчас проползти по сети щелей вниз, можно отыскать раритет – гнутый лазерный диск, телевизор с вакуумным кинескопом или даже бумажную книгу.

В воздухе кричат птицы с неряшливыми крыльями, помесь ворон и летучих мышей. Они дерутся с насекомыми

за кусок добычи, теряя перья и довольно верно выговаривая ругательства, услышанные от мальчишек.

– Нам пора! – заявил Друг. – Свалка – это не наше. Штраф за нестандартное поведение 355 единиц. Смотреть – рекламу нового Белого со Специями, 3 минуты.

Зайти в лифт 349, маршрут 34.

Но, сейчас Хант не мог пропустить общение с Мусорным Океаном, хотя и подозревал, что это желание ухода от существования. Или, точнее – начала жизни, где нет повторения многократно пройденного, уже потерявшего краски и вкус. В-общем, это интересно, медитировать на такую беспорядочную, с привкусом свободы, мандалу.

– Люмм. Рюмм. Реми, – напел Хант.

Реми. Так звали его в той детской жизни. Почему – никто не подскажет.

«Привет, лаз! Не зарос еще кристаллическим бетоном?»

Через технологический люк, оставленный еще, наверное, строителями Дома, пробирались на Свалку юные школьники, искатели Эвин, Ри, Реми и Жанна. Вот, кто мог бы помочь вспомнить все. Всего десять, или, будем честными, пятнадцать лет назад, они были здесь вместе.

Хант пробрался между щитов, покрытых граффити, выдающим намерения маленьких любопытных бандитов. Отодвинул знакомый с детства металлический лист.

– Это противозаконно! – напомнил Ассистент. – Сегодня ты совершил уже три ошибки. Следуй заданному маршруту.

Проверь преданность Правительству в Терминале.

Экскаватор с лихо врытым в грунт ковшом, может быть, ровесник самого Дома, как то так легендарно стоял на склоне холма. Точно как тогда, когда Реми было тринадцать лет. Память услужливо продвинула Ханта внутрь громоздкой машины. В моторном отсеке просторно, будто конструкторы позаботились о комфорте для десятков механизмов. Тёмное жирное масло. Прямоугольники пахнущих кислотой аккумуляторов. Все угловатое, но мучительно приятное. Здесь, вдали от преподавателей, телекамер и микрофонов, всего, что ябедничало, мальчишки, прокрадывающиеся в экскаватор поодиночке, снимали груз наступающей половой зрелости, будто оплодотворяя бездушные механизмы.

В сколотой трубе, некогда пропускавшей через себя вагоны метро, можно скатываться в груды песка, высыпанного из гигантских предохранителей. С верхней точки этого аттракциона маленький Хант впервые увидел особую девочку с белыми волосами, обитающую в тщательно изолированной половине Приюта. Конечно, линзы из органического стекла искажали действительность, окружая предметы розовой аурой, но, несомненно, существо было неправдоподобно красивым. Существо (так Реми назвал незнакомку), заметив Ханта с самодельным биноклем, однажды дружески махнуло рукой. Поговорить с этой девочкой Реми не мог, а может быть, опасался этого.

С брюнеткой Жанной, которая училась с Хантом вме-

сте, отношения строились намного проще. С ней можно было бродить по Свалке, болтать, собирая механизмы для постройки самолета. В поисках рычагов, колёс, труб, воздухопроницаемой ткани, они забредали до самого Чёрного Озера, на поверхности которого в жаркие дни извивались щупальца того, кого удачно называли Кальмароидом.

Играли в путешествия на Лифте Времени, морлоков с элоями и разбирательства с одноклассниками из враждебной группы.

На Свалке постоянно проявлялись все новые виды неопознанных живых существ. Для того чтобы подобрать им их правильные собственные имена, приходилось серьезно напрягать воображение. Химикаты и митохондрии порождали неприятные, но странно притягательные виды. Пауки походили на ящериц, а ящерицы с суставчатыми ногами, на ядовитых арахнидов. Собаки с вытянутыми челюстями забыли, что обязаны лаять и только чавкали, задумчиво поглядывая на людей. Кошки, обладательницы пёстрых пучков перьев, следили за птицами и пробовали следовать их примеру. Обладательница кипучей фантазии, подруга Жанна так и не смогла найти им подходящее название.

Ещё они играли в одинаковые привычки. Одновременно прищёлкивать пальцами. Носить телекамеры под очками, так, чтобы на фоне яви просматривать полупрозрачное то, что видит другой. Реми представлялся ей. Жанна воображала себя им, даже, когда Хант мылся в душе. Было всерьёз

весело.

Жанна. Неплохой друг. Жаль, она пошла на Свалку с другим одноклассником, и уже не вернулась. Камеры еще три дня показывали участок стены, бетонную плиту и обрывок серого неба.

Именно тогда, когда Жанна позвонила ночью и радостно принялась говорить что-то невнятное, Реми стал набрасывать схемы аппарата для общения с мертвыми. Чем-то это устройство напоминало обычный телефон. Только вместо цифр на кнопках, как представилось в сновидении, находились особые знаки. Надо нажимать их много раз, чтобы связаться с нужной тебе душой.

..Итак, человек, которому не придумано лучшего имени, чем Хант, идет по кварталам Дома, согласно наставлениям электронного Ассистента или «Прилипалы». И, он начинает следовать сигналам своих новых, особых, проснувшихся Друзей. Хант видит мир их глазами, чувствует перепады настроения. Ассоциации, мысли и воспоминания ведут туда, где произойдет нечто важное.

Так получается, что люди, спутанные особой связью, рано или поздно встречаются в одной критической точке.

...Система контроля Дома поняла, что человек размышляет неправильно. Терминал выдал команду на устранение. Такого рода операции выглядят как добровольное пожелание. В этой книге неформатные люди выводятся на арену

Амфитеатра, так, как, если бы они дали заявку на участие в опасной игре. Хант направляется к месту своей казни. Здесь он встречается с неизвестными Друзьями – Дорианом, странником, «Лисом», врачом Хартом, неким Тимом, желающим ликвидировать всех злых индивидов и Стелой, танцовщицей Дико. Вместе они ускользают из неприятных объятий смерти. Объединенное сознание новых людей творит чудеса, вплоть до полета силой общего желания.

Всех их захватывает организация «Лазарет», цель которой – воскрешение Травств, ее основателей, в большинстве своем уже давно мертвых. Их завещания тем не менее, имеют силу. Людям с необычными способностями предлагают возглавить новый отдел «Лазарета». И, они набирают команду из весьма юных работников.

В Ангар, новую лабораторию прибывают работники. Всю работу по делу Воскрешения надо начинать с нуля. Понравится ли талантливым подросткам работа в Лазарете? Вместо того чтобы резвиться, слушать лекции и работать, работать самим?

Я невысокого мнения о тинэйджерах, как основе научного прорыва. Дети зачастую просто не задумываясь копируют взрослых. Вряд ли из них создашь команду, способную решить важную проблему. Другое дело, что у них еще не так сильно развит психический иммунитет и вообще говоря, дифференциация. Пребывая в едином формообразую-

щем поле, они, подобно клеткам растущего плода, способны создать работоспособный, практически всемогущий организм.

Дисциплина и свобода. Иерархия и равенство. Работа и развлечения.

Послушаем рассказ новобранца Лазарета:

Тур Алекс – новичок Лазарета

...Нельзя утверждать, что я всегда мечтал попасть в безразмерный бункер, зарытый в груды сырого бетона.

До этих пор этапы моей жизни достаточно складно протекали в Интернате Сервиса, отличающегося, помимо обычного курса управления людьми, изучением технических наук. Родители, судя по карте, просмотренной мною в кабинете директора – обладатели первой и четвёртой групп крови, без глупых болячек вроде Ор-Ор. Почитатели свободной любви, и не противники детей, подарили мне возможность жить примерно до девяноста пяти лет, матовую кожу, зелёные глаза, черные волосы, развитые мышцы и разные верные пропорции гормонов. Где они, – неизвестно, а разве нужно всё знать?

Знать надо всё.

Десять дней назад, сдав экзамен по Железным Числам, я прохаживался по кварталам Уль-Карбона. Свободные прогулки по Мегаполису Сетана предоставляются, заметим, мой неизвестный друг, самым лучшим ученикам.

Сектор Сетан воплощает пестроту жизни; взболтанный в медной трубе рёв верблюдов, фальшивое золото, неоновое серебро и, по кусочку халвы и ложке патоки, бесплатные лакомства на перекрестках. Бесконечные орнаменты на стенах, гигантский Золотой Квартал, струящиеся в глубины шахт,

понемногу темнеющие улицы. Это теперь только в памяти!

Как произошла перемена?

...В беседке между лавкой стразов, высоченным неоновым перстнем и колодцем церкви Эвтаназии, ко мне подступили вербовщики. Первая моя мысль? Дай вспомню. «Это те артистические бандиты, которые любят играть с людьми; встречаются в тёмном коридоре, пугают, разговаривают по душам, жмут пальцы и благополучно отпускают». Сартанам, полуночным психологам, нужны страх и благодарность не меньше, чем твои денежки, милый наш Алекс Тур.

Алекс Тур.

Шестой курс Интерната Сервиса.

Пластическая хирургия, физическая химия, менеджмент, владение стеклом, практический гипноз, плюс еще несколько предметов на выбор. Уже можно понять, кто я такой. И ещё скажу себе. Если ты слишком большой умник, запутываешься в собственных мыслях. Идешь на авантюру. Между мною, мальчиком и, до сих пор мальчиком, проценты интеллекта даются взамен здравого рассудка.

Семьдесят первый год рождения. Тур Алекс Ной

Вербовщики лишь улыбнулись на вопрос, не бандиты ли они. Мурлыкали, как одиссеевские сирены. Ну, а если бы я не согласился ехать в Лазарет, навстречу приключениям, что бы сделали они, показавшиеся, на первый взгляд, заслуживающими доверия? Вкололи наркотик, чтобы мальчику отбило память? Отправили обратно? Теперь поздно раз-

мышлять обо всем этом. Что сделано, того не вернешь.

Тошное путешествие в скудно освещённых качелях дальнотбойных лифтов класса А. Это вносило надежду, ведь тех, кого желают разобрать на алые запчасти, для более благоразумных и богатых мальчиков, не достаивают столь дальнего круиза.

Пункт назначения.

Лазарет.

Обстановка как в трудовом лагере, когда туда тебя поселяют первым. Накатывает эйфория, свобода с наилегчайшим привкусом уныния. Заходишь в палаты, разящие краской, спишь, где хочешь, если придет блажь, метишь углы забавным собачьим способом. Через неделю прибывают нагледцы, легко захватывающие обозначенную тобой территорию. И никак им не объяснишь, что ты всё уже здесь открыл, и назвал своими именами. Они игнорируют дельные советы, не проявляют особого уважения к первооткрывателю. Гав-гав вам! Только мои протесты тоже никого не волнуют.

Строительство Нового Лазарета

Новички вселены в отдел А, третий уровень, спят на широченных кроватях, по пять человек сразу. Я вряд ли бы согласился на переезд, если бы знал, что лишусь почти всей своей львиной гривы. Такое условие. Стесняюсь. Моя комната в секторе В, рядом с лабораториями. Пять с половиной кубических метров, углы скруглены, уютно, как птенчику в гнезде. Жилое Яйцо! Кровать, кресло, стол, полки, туалет будто бы по заказу гномов, но в деле довольно удобный. Обстановка напоминает «полззвезды», отель, повсеместно ставший культовым. Тут больше всяких лючков. Ученики будут запрягивать в них дневники, конфеты, может, синтетическую наркоту. По левую сторону, если протянуть руку сквозь пластик, пальцы вылезут в Ангар.

Эта лаборатория создана по приказу доменов; наших странных, летучих боссов. По виду сверху похоже на заготовку для игры в крестики-нолики. Сейчас там скучные пустые помещения и запакованная мебель. Есть подвод электричества и вода, но в целом клетки пусты. По правую сторону Яйца, если, в виде привидения пройти два метра проводов, трубок, высохших плекков, — глянешь в шахту лифта, ведущего в холл организации, маскирующей Лазарет.

Я единственный знаю, как рождалась вся эта лабораторная коммуналка. Никто не мешал надзирать. Через год всё

это безликое покроеется инициалами субъектов, называемых врагами или друзьями, плёнкой пота, жира, пылью эпидермиса. Я умею красиво говорить, так ведь?

Всего десять дней назад обстановка будущего общежития, Муравейника, представляла комплект деталей, которые, потягивая разрешенное трехпроцентное пиво, разворачивали молчаливые специалисты Техниса. Позапрошлым утром, проехав на подсобном лифте, я не узнал эту местность. Ни потека масла от внушительного проходческого щита. Вода канализации демонтированных квартир вся откачана. Несколько баков со следами кристаллического бетона, стёртые надписи, лоскуты полосатых лент. Сумрачный зал, расходящиеся отпечатки башмаков рабочих. Вот и всё, камрады!

...Бетонный короб заполнился качающимися контурами. Будто ты, любопытная бактерия, забрался в развивающийся организм. Клетки множатся и усложняются. Свет выискивает узлы, в которых просматривается нечто еще несовершенное, мигрирует, будто бы он сам приобрел глаза, мозг, руки, и взялся за работу. Повеление мастера – кристаллический бетон становится мягким, как жвачка, отдергивается от машины, образует новые полости, помещения, тоннели.

Я из тех, кто удачно пришивает имена к вещам. Дзот. Лазарет – общее. Отделение для нас, пока ещё младенцев науки – Дзот. Ну, или уж, Куботур. Так мог бы называться филиал чистилища, головоломка или фирма, организующая экс-

тремальные туры в горячие зоны Дома.

Посредине зала заструился ребристый водопад. Эскалатор. Одобрительные восклицания работников. Новые сполохи света.

Алюминиевые каркасы охватываются пластиковыми панцирями. Там и там материализуются жилы проводов, нервы световодов, кишки труб. Дзот обнаруживает энергию и волю, словно взрослеющий гомункулус в тёплой колбе алхимика.

В сплетении пластиковых рёбер проявилась диафрагма фотоаппарата, люк с лепестками, ведущий всё ещё в никуда. Работник повертел винт отверткой, и над жужжанием сервомеханизма взлетела трель открывающихся дверей, замысловатое «тюр-люр-ли» охоты на неведомое животное.

Рабочие ушли, оставив груды мусора, гирлянды и сигаретные фильтры.

Это всё мне?

Я культурно погасил свет и забрался в Яйцо.

На сегодняшний вечер моё изобретение – надёжнейший способ скрыть мысли от посторонних. Только когда они остаются внутри, ты предохраняешь личность от ненужного прочтения.

Через две минуты страницы дневника станут призраками. Я сожгу страницу, на которой записан день! Пепел уберу в шкатулку, которую раньше занимали никому не нужные, хотя и дорогие циркули. Так никто не прочтет Горящий Дневник, если только успехи реанимации не восстановят его

из этих сизых пёрышек. Но, тогда, понимаешь ли, Друг, начнется совсем другая история.

Знакомство у Кухни

Познакомился с Деткой.

...Вспоминал, что написал в Дневнике вчера вечером. Не вполне нормально, словно сочинение измученного одноклассниками вундеркинда. Необходимо, чтобы каждая фраза была деловой, с долей юмора и цинизма, так нужно общаться, даже с самим собой. И, вас, может быть, примут.

Прохаживался, рассматривая плакаты по технике безопасности в переходе из Ангара в корпуса лабораторий Ветхого Лазарета. Навстречу девочке в сером комбинезоне.

Остановились друг напротив друга. Точнее, подруги. И долго молчали. Просто дышали, рассматривая будущего коллегу.

Пока я не просипел «привет».

Привет – правильное слово к началу большинства важных знакомств.

– Я Детка. Точнее Аква.

– Алекс Тур Ной. Номер... а, зачем ей, собственно, мой идентификационный номер?

Она могла повернуться и зашагать в коллектор новичков, к прежним деловым знакомым. Так принято в культурном обществе; ведь долго там дружить нельзя. Но, мы пошли вместе, чуть ли не под руку, куда глядят глаза и заводя всякие разговоры.

Приятно помыслить, что нашелся человек, который просто так тебя, ни через что не кинет. Поговорили о значении глупых имен, которые директора Интернатов любят присваивать воспитанникам, отправились на Кухню, точнее, в Столовую. Каково там теперь? Кстати, согласно учению Харта (не забыть придумать домену подходящее прозвище), вместе съеденная пища роднит людей на генетическом уровне. Это было известно и раньше, но теперь находит строгое научное объяснение.

Прекрасное настроение, кофейная, знаете ли, такая бод-рошь.

На «бронзовом лифте», предназначенном для пролетариев Лаза (так девчонка назвала наш обновленный Лазарет) два этажа вверх и направо. Общая Столовая, вроде тех механических кафе, которыми славятся офисы крупных корпораций. Вчера тут многое было по-другому. Рабочие выкачивали баки со строительным мусором, настраивали автомат питания, вот этот Общий Котёл, и регулировали канализационные стоки. Теперь неприятный отстой скрыт пластиком и никелем. В те несколько минут, как открылся круглый, в середине вогнутый, словно миска, зал, новички не успели разочароваться в происходящем. Весело заполняют животы за обеденными столами, имеющими контуры земных материков.

Люди, решившие, что почуяли к себе симпатию, и не способны испортить соседям аппетит, притыкаются друг к дру-

гу, жуют кашу, ножиками мажут джем на хлебцы, оживленно болтают и всплескивают руками. Становятся, как говорят, родственными на уровне биологических молекул.

Жующий рот, надо сказать – довольно сомнительное представление. Лицо коверкается, хрюкает и хлюпает. Глядеть на то, как поглощают еду не очень-то, обычно, приятно. Успешно сопереживать постороннему наслаждению можно, только если ты и сосед – одно, так, что ужимки чужеродной плоти, принимаешь за собственные.

Суп из мелких креветок и пшеничный хлеб, полезный для челюстей, жесткий снаружи, мягкий внутри.

Водорослевый поливитаминный салат.

Кукурузная каша. Соусы.

Витамины A127563, B56, E45. И, обратите внимание, натуральный чай.

Детка. Так же, как и я, она пока что Про. Новичок. К тому же еще и «Визи», раз она девочка. «Визи Аква». Фонетически приятное обозначение новобранцев женского пола, приставка-титул к имени. Сочинено здесь, мною, по ходу принятия пищи.

Она тоже приличная выдумщица. Изобрела милое, но не слишком, между нами, подходящее для неё имечко. Настоящая Детка должна иметь медовую кожицу, кошачью мордашку, быть шустренькой, капризной, прелесть какой глупышкой. Чтобы умильно смотрела снизу вверх, выпра-

шивая у дядюшки пару монет на биг-гам. До призыва в Лазарет, в Интернате особого Техниса, как дитя поведало, директор назвал её в честь божества мужского рода. Если не изменяет память, женский пол в пантеоне обновленного культа ацтеков не фигурирует вообще. Ха-ха, а вот меня в подготовительном Интернате директор нарек Ганимедом.

Ей не нравилось зваться Аквартер... пер..тель. Зубодробительно как-то. Имя то привносило в существование некую дополнительную угловатость, свойственную реанимированной культуре древних мексиканцев. Потому раньше она была буквой. К счастью, здесь, как указали вербовщики, можно забывать прежние имена, менять характер и привычки. Потому Детка предала своё главное слово. Стала Деткой а, иногда и Аквой. Будто выпустила из виду, что понятия индейцев «мешика» обещают за неверность своему имени весьма неприятные приключения.

Ах, Детка! Аква – Акватерпель! Хорошо, что я могу смотреть на тебя, и не выдавать свои мысли вслух. Но, ведь, кажется, для этого нас и собрали здесь? Передвигать мечты, образы, саму жизнь из одних людей в других?

...Кожа бесцветная. Волосы забраны в пепельный прыгучий хвостик. У людей с такими волосами характер ни рыба, ни мясо, это строка из учебника физиогномики. Но, чуть оттопыренный подбородок с этим, будто бы, не согласен.

Какова она? Притворяется бесхитростной, может и желает быть такой, но не напоминает ребят Техниса, этих хан-

жей, молящих лишь о деньгах и статусе; иногда всерьез движутых. Со временем она способна понравиться всякому приличному человеку. Не за мордашку, которая так себе, как я уже упоминал, довольно типовая. За нечто непознанное, прорастающее в самом сердце, солнечном сплетении и легких. Ведь в течение часа она не ушла от предложенной мной темы, не высказала очевидной глупости, не вынудила болтнуть то же самое и меня. Пожалуй, точно, Детка, она же Аква (приятный ник), точно не из тех, кто без церемоний способны кинуть тебя через хвост. Только лишь с печальными мыслями. И то, уже вовсе не плохо.

Нос мог бы располагаться на сантиметр-полтора выше, чем он есть. Скулы – мягко, по-кошачьи, закругляться. Не катастрофа это отступление от общепризнанных норм красоты, но, между нами, мальчиками говоря, Детке очень далеко до тех лакомых тигриц-танцовщиц, которые зажигают Представления во всех приличных Амфитеатрах Дома.

Может быть, для этого она и явилась сюда? Здесь есть надежда на лечение от всего лишнего. И на полезную добавку. Золотые нити по телу, крови, печени, сердцу и всей нервной системе.

– Кто такие домены и летучки? Что мы здесь будем делать, Тур?

Она доверчиво так меня спрашивала! Улюлю! Что ответить ей, чтобы запечатлелось?

– Всё просто, Акватерпетль! Кто из нас не слышал пе-

сенку о мальчугане-танцоре, беглеце, которого все встречные непременно хотят предать, отловить, затащить в особую клинику и переделать в безвольного слугу? Как известно, службе «Вторая Жизнь» Правительство предоставляет людей, структуры мозга которых признаны социально опасными. Немного кислородного голодания во время наркоза, и нервные клетки очищаются от всех прежних неверных связей. Теперь ловцы тел появились даже и в нашем консервативном Сетане. Квалифицированные врачи производят помощников по домашнему хозяйству, мало кушающих, почти не отдыхающих, дешёвых, и абсолютно не эгоистичных. Может быть, и здесь всё постепенно скатится к этому. Только наш товар будет намного качественней и дешевле.

Так мы с нею говорили.

С Аквой легко.

Ангельская кровь

Это запомнилось.

Сытые, почти удовлетворенные, мы покинули Столовую – Земной Шар, и двинулись по Лазарету, расширяя круги свободного поиска.

Миновали пустые помещения с корявыми надписями мелом: «Эври», заглянули в лаборатории новоиспеченного отдела Корпус, обнаружили там обрывки упаковки, и хирургические столы с желобками для стока крови.

И я, представь себе, выдал такую речь:

– Вот оно, начало всего! Тут будут измельчать тела подопытных созданий буквально в фарш, чтобы найти, где в них свились аскариды смерти. Трубки погружаются в пол, выходят в потолок, тянутся среди холодильников и гудящих электрических трансформаторов. Кровь сейчас – вместилище разномастного микроскопического зверья, – следует из одной лаборатории в другую, и по пути кардинально преобразуется. Из чувствительной к течению времени, на воздухе запекающейся в бурый комок жидкости, возгоняется в белоснежное облако, на поверхностях серебряных и золотых радиаторов конденсируется в ангельскую кровь, прохладный ласковый огонь. И, эту кровь переливают, капля за каплей нам, нас пробивает Громовой Салют, и мы восходим туда, где ждёт Золотой Полис Ангелов!

– Как устроен подлинный Город Бога?

Детка смотрела на меня исподлобья, снизу вверх, будто я уже всё тут лично решал. Её, определенно впечатлило.

– Рай каждый видит немного по-своему. Эти картинки нужно аккуратно, словно паззлы детского конструктора Лого, совместить. Всё надо знать, чтобы понять, что пора сделать и чего от всего происходящего ожидать.

В Сетане, Детка, моём бывшем мире, нет пейзажей, чтобы можно было вознести их в картинку божественного Города. Только песок необъятной искусственной пустыни, города-погосты и, в массе своей, нечистоплотные мегаполисы. Хотя конечно, пальмы и газончики кое-где присутствуют. Этого маловато, разумеется, для беспредельного райского счастья. Есть фонтанчики газированной, подкрашенной розовым сиропом воды. Щедрые люди в лавках попадают, обычно под вечер, когда неостребованную их сладкуюстряпню все равно надо выбрасывать. Для не укладывающихся в нормы питания воспитанников, они просто ангелы во плоти.

Детка, оказывается, дочь служащего фильтрационного лагеря, сказала, взамен на мою откровенность и вполне уместную, контролируемую экзальтацию, что до переезда в Лазарет жила в ЭкзоСити. Любит искусственный снег, оттаивающие по графику, или прихоти менеджера, стены, и радость заключенных, переводимых в теплые Зоны.

Мы забрели в дальнюю зону производственных помеще-

ний, свернули, кажется, к Ангару, и, пройдя по шахте раскуроченного 3D лифта к неизвестному корпусу, практически заблудились.

Пытались чинить светильники за демонтированным эскалатором. Один из них вдруг начал быстро-быстро моргать, будто выдавая азбукой Морзе все тайны света.

– Я знаю, где мы, – заявила Детка, пошелестев блокнотом. – Здесь должно быть кое-что очень красивое и неимоверно ужасное. Дориан посвятил меня в некоторые тайны Лаза. Ты любишь историю и легенды? Вот это оно и есть.

Я не знал, куда ведет этот ход, а времени был вагон.

Тряслись минут пять на рабочем лифте без дверей, выбрались к каналу, раздавшемуся в искусственное море. Бассейн, полный золотых рыб, плавающих между частей неведомых, нержавеющей, судя по всему, механизмов. Такой нестандартный артистический объект.

Одетые инеем комнаты и живописные мумии.

– Заказчики Лазарета. Господа Трасты, конечные выгодополучатели всего этого нашего проекта, – округлила глаза Детка.

Мы поднялись на площадку из серого, с прожилками, мрамора. Массивный саркофаг с еще одним скелетом.

– Наверное, её зовут Стела. Она тоже должна ожить.

Череп. Изящный, ослепительно белый, словно древнекитайский фарфор с бордовыми прожилками. Золотая корона, украшенная натуральным, как я понимаю, рубином.

– Красиво. Правда, Алекс? Все это вместе. Наверное, она тоже любила все красивое. Кого-то целовала, хотя и не прилично все это, в мельчайших подробностях знать.

Я объяснил Детке, что Стела, пятый домен, находится во-все не здесь, и шлёт депеши из потустороннего мира друзьям, тем, кто с ней был связан при жизни. Нынешним руководителям нашего Лаза. Покоится она, как сказал Дори, в Криогенном Зале, куда мы доступа пока не имеем. Она могла летать. Так и у нас получится, если сможем видеть глазами друг друга, и объединять души.

Я тут же перешел от слов к делу. Признаться, сильно раскрепостился.

Принялся разбегаться по технической площадке галереи. Требовал, чтобы Аква думала обо мне так, как я, видела, что я вижу, и верила в то, что все у нас получится.

Перемахивал через пропасть метров в пять, отмечая жестяной банкой место очередной посадки. Пытался чувствовать происходящее без плоских мыслей.

Чуть не провалился вниз. Ободрал ладони о стальную решетку.

Первые две секунды шок, ничего не чувствуешь, потом больно, а через десять минут, будто бы и не было ничего.

Я всматривался в Детку, стараясь проникнуть за два сантиметра черепной коробки с пепельными волосами, пробуя видеть себя её водянистыми глазами. И вдруг, опять пришло желание пророчествовать.

Я принялся вещать об электронном зеркале эктора, что в нем про себя увидел, об одиночестве и коллективах, наших лицах, может быть, даже, нечто обидное. Иногда умею говорить так, чтобы все на миг замолкали!

И она выдала кое-что в тон.

– Земные Сектора впечатывают в плоть масло фабрик быстрой еды, запахи лифтов и мусорных баков. Лица с земными штампами наблюдаешь в общественном транспорте, на улицах, за обеденным столом, и на могильных плитах Погоста. Они не заслуживают особой симпатии, лишь такой вот галантной жалости.

Не подростковые получались у нас фразы.

– Нужно, чтобы лица отшлифовались брызгами острых алмазов и соленой воды, размягчающими органику. Пусть расквасятся от слез, перестанут быть самодовольными и недоступными, вылепятся заново, совершенными, детскими и бессмертными.

Так мы с ней говорили.

Всё наше, новое станет важным миру, даже кукурузный хлеб стандартного пайка Лаза может быть обернётся для людей солнечной облаткой, приобщением к тайнам потустороннего мира. Сейчас все наши традиции в зародыше – случайные шаги, которые несколько раз повторившись, навсегда отпечатаются в общей памяти.

Еще размышляли, в какой отдел Лазарета мы попадем. Я подумывал закрепиться в Домене, руководимом доменом

Хантом, бывшим механиком. Детка весьма благожелательно отзывалась о Корпусе врача Скорой Помощи Харта.

Так вот, жуя зёрна из оказавшегося в сумочке Детки пухленького пакета, мы постепенно выбрались обратно к Столовой, выпили чаю, пополнили сухой паек и разошлись спать. Детка нарочно просыпала попкорн по сторонам, улыбалась зеркальным стенам обеденного зала. Это тоже отложилось в памяти как нечто важное.

Зачетный день.

Новый друг

Ещё один наш отыскался.

Чёрно-желтая кожа. Соединение плоти Секторов Пандуса и Черного Сетана. Если хорошенько поразмыслить, несмотря на тёмную кожу, явный знак доминантного гена, кровь азиатского, по существу, Пандуса когда-нибудь переборет африканскую органику. Изменятся черты лица, взгляды, даже привычки. И даже мысли незаметно, образ за образом, станут другие.

Пока мы с Аквой бродили по Столовой в поисках свободного столика для завтрака (выбрали уединенную Гренландию), он пережевывал рогалик на периферии мира, рядом с коллекцией чудесных медных чайников. Иногда задумчиво ввинчивал его в чашку Петри, соединяя с находящимся там джемом. Подвергал анализу прикрепленную на стену, несколько диссонирующую с общей умиротворяющей обстановкой, картину давнопрошедшей баталии.

Тяжеловатый взгляд уличного, небезуспешного бойца. Зачем он здесь, в компании домашних ребят, огромных умников?

Также мотобой глядел в зал Столовой, шевеля губами, будто бы завернутыми в тонкую вакуумную упаковку. Маслянистые зрачки (у меня прекрасное зрение) чуть расширены. Сложилось общее впечатление, что чафр видит вещи без

прикрас, каковы они и есть на самом деле. Можно ли в глаза называть данного метиса чафром?

Чувствовалось в нем некая природная свежесть, свойственная, как считается многими физиологами, плодам разных рас. И, еще, словно бы крошечный лючок где-то в районе височной области. Всё-таки, иногда чафр терпел оглушительную катастрофу, а затем надолго углублялся в размышления обо всех ее обстоятельствах. Зацепи эту рану, приоткрой родничок черепа, – человека можно легко корректировать, вводить в совместные предприятия, и все такое.

Детка также внимательно рассматривала представительного чафра.

Чафр вытер пальцы, кинул салфетку в воронку Северного полюса. Поднялся, подошел, склонился, прошептал пару слов о прекрасном утре и хладнокровно поцеловал Акву в щеку. Она не сопротивлялась. Такое вот, обычное приветствие шоколадно-мандариновых братьев.

Чафры раскованные, в массе своей, довольно дружелюбные ребята. В принципе, Аква не моя куколка, и вообще, пока ничья, но и Туру Алексу нужно приучаться орудовать так же быстро, ловко, не получая никаких обидных отказов от девочек. Да, такие полезные обычаи надо научиться скачивать!

Сектор Пандус. Ливи. Типичное имя детища желтой и чёрной рас, как в Белом Сетане говорят, чафра.

Совместный ужин. Разговоры обо всем на свете.

Он рассказал о том, как был участником успешной банды. Они там являлись самыми умными, в меру агрессивными, конструктивными «членами», прекрасно понимали друг друга. Но потом совершили очевидное преступление. Уничтожили конкурентов, спящими, по настоящему, ночью, без объявления войны. И – попали в сферу действия другого, темного мира. Встретились с бандой, которая гораздо, гораздо круче и сильнее их. Что даже вообразить было невообразимо. Любое действие братьев предвосхищалось легко, как будто враги связывались между собой внутренним Интернетом, были везде и повсюду. Все разгадывалось примерно так, как хитроумная, по-своему, мысль кошки или собаки – человеком.

И, оставалось, в конце концов, только одно – согласиться с Третьим Миром – явившимися неизвестно откуда вербовщиками Лазарета. Похоже, здесь можно сделаться сильней, чем самая мощная банда Дома. «И вот, я с вами, дорогие братья».

Пятый день полёта.

И он – нормальный.

Соревнование между мальчиками

Когда в ограниченном пространстве собираются ребята пубертатного возраста, обязательно начинают в чем-то соревноваться.

Новые знакомые (еще никакие не друзья), Ромм и Хетт раздобыли где-то трамплинную доску. Такие штукорины обычно водятся в подсобках школьных спортзалов. Надо было прыгнуть и пролететь через окно в стене, головой вперед. Довольно опасно! Кто-то разбежался, пошутил и, кривляясь, отошел. Когда пришла моя очередь, сзади подошли двое. Предложили не рисковать своей головой, а, вот смотри – грязно же – убрать посуду, стереть со столов подливку. С ехидцей так сказали. Не люблю, когда меня воспринимают не всерьез.

Те, кто успевает сплотиться, связаться в такие сладкие неразлучные пары, обладают преимуществом перед одиночкой, вроде. И тогда они правы, совершенно независимо от сложившейся ситуации. Проверь это на себе, мой незнакомый друг.

Я сначала мысленно представил, как вступаю в драку с этими ребятами (внутренняя демонстрация намерений, это важно), вывел впереди грудины мысленный серый шар, знаете ли, мушку прицела, развернулся в сторону потенциальных соперников, словно приготавливающийся к выстрелу тяже-

лый танк.

Понимаете?!

Затем отстранил их, наклонив, чуть так искоса голову, собрался, разбежался, и ловко прыгнул.

Каждый сам убрал за собой, и за другими, теми, кто почему-то забыл это сделать. Без напряжения и чьего-либо конкретного распоряжения.

С тех пор, знаешь, я заметил, всем стало легче находить общий язык. Во всём.

Вот что я вам скажу. В многомерном 3D лифте Пути делаешь правильный выбор – и всё, постоянно идет на улучшение. Следуешь вверх. Подсаживаются хорошие попутчики. Тебя начинают узнавать.

В другую сторону, – из тебя сделают слугу, вроде тех, которых имеет каждый приличный интернатский староста.

Такая открывается философия.

На первых порах у меня все получается.

Рассказ о лошади, и прочем

...Мой рассказ слушали. Наблюдали за оживленной жестикуляцией с участием двух острозубых вилок. Минуть десять, я чувствовал себя в чужой, большой, словно кухонный котёл, тарелке.

Затравка Рая... Что это? Например, та лошадь, которую я высмотрел на центральном ипподроме Уль-Карбона. Кобыла Пегаса! Творение природы, всемерно усовершенствованное технологиями фармацевтических фирм, которые оно, собственно и рекламировало. Совершенство, это, запишите же, единство множества. Наэлектризованная грива, лоснящаяся шея, ноги, умные дикие глаза. Как передать человеческими словами вам, не знаю. Мышцы органично перетекают в кости и кровь, и, будто бы являются их продолжением. Нервные импульсы объединяют организм вплоть до роговых слоев копыт. В круп попал маленький кусочек сахара, брошенный неким доброжелательным ребенком, и лошадь в полтонны весом, разом, целиком содрогнулась. Я получил здоровую подростковую поллюцию, так все это было хорошо.

Помню, размышлял я, желал бы присутствия здесь еще одной особи того же вида, но противоположного пола. На одном уровне желал наблюдать, как они вместе, без затей, галопируют по лунному пейзажу, а на другом, – лезут обниматься. То есть, во мне органично сочетаются эротическое

и духовное начала.

Фантастика.

Говорил я так в утренней Столовой, вместе с Хеттом, Ливи и Сеем, под шипение и пыхи Котла. После каши поедали пророщенные зёрна и черничный джем. Кормили друг друга с рук: упражнение для устранения стеснения, рекомендованное доменами.

Отчего-то чуть поклонившись, к нам подсел Дори. Предложил без стеснения излагать тему.

Я продолжил.

– Воры из Застенков увели этот экземпляр с выставки, расчленили или, как говорят, поглотили живьем. Такая традиция, – вводить в себя совершенные организмы. Жители тайных помещений Дома, хонги рассчитывают, что жизненная суть всяких разных красотостей переходит в их, переломанные ботулическими токсинами тела. Почему бы не полечить себя? – вот их девиз.

– Идея перспективна, – заметил Дориан. – Я бы тоже, знаешь, питался одними лишь разноцветными бабочками. Чтобы они перетекали в меня и щекотали кишки.

Что у вас зерно Райского Сада? – к беседе подключилась Аква. – Я не опоздала? Мы говорим о чем-то хорошем?

– Зерно Рая? Это... будто я, – певец лучших на свете песен, и сталкиваюсь с ордой ароматных поклонниц. Все это такая взбудораженная, электризованная плоть. Девушки с лунными мордашками являются эффективнейшим сред-

ством очистки зрительных каналов. Блестящие зрачки, будто бы глазированные губы. Ангелочки помышляют разорвать моё тело на талисманы вечной, пряной любви. Море любви. Это не ново. Но мило.

– Вы были кумиром девушек? – поинтересовалась Детка, накладывая еще джема. – Щёлкали как орешки?

– Что? – сник Дори. – Не совсем. Нравится, когда они внимательно, как змеи, смотрят. Где бы я ни появлялся, девчонки сворачивали, чтобы разглядеть Вольного Лиса. Хорошо быть вечно молодым, красивым и ничьим. Обворожить, взбудоражить, втереться в голову – и убежать.

Кстати, вот еще что. Если мускулистые ребята посчитали, будто я – существо противоположного пола, первые пять минут отношения развиваются прекрасно. Вместо обычной агрессии лишь непереносимое желание угодить. Почему бы всем так друг к другу не относиться, даже без причины?

– И, дальше что? – Аква задумчиво разглядывала чашку Петри с джемом. – Как развивались отношения с парнями, господин домен?

– Поиграв несколько минут, я находил повод стремительно удалиться. Приятно так жить, по-женски – обворожить, очаровать, и уплыть.

– У вас есть родители?

– Наверное, да. Но я сбежал от всего этого. Это было бы невесело – думать о родственниках, когда они уже явно подходят к порогу жизни. Старея, родители тянут за собой де-

тей, пробуждают в них мысли о смерти. Мне интереснее бродить по Дому, одному, освещая собой мир, разгадывая пароли прохода в другие Сектора. Вот, допустим, я в ЭкзоСити, ледяной и снежной тюрьме. Замерзаешь до костей. Темно. И вот, когда уже уходишь в потусторонний мир, в голове, вспыхивает слово... например, «Шаундорфин»! Ты поймал волну программера. Подходишь к люку, набираешь это слово костенеющими пальцами. Двери открываются на семь секунд, ты даже успеваешь подумать, нужно ли пройти. Проваливаешься в жар Сетана, или на проспект УниверСити, отряхиваешься от снега и отчаяния, и идешь. Здорово так жить! Будто съел солнышко, оно у тебя в животике. Молодеешь от открывшейся новизны. Кожа на запястьях становится правильной; медовой и розовой.

– Так интересно! – прощebetала Аква. —И что там еще интересного, в Секторах Дома? Я не вылезала из ЭкзоСити.

– И, наверное, не знаешь настоящее Экзо. Периферия, жилая зона Е? там все сладко. Настоящий Экзо – ад. Я там был, три раза, забирал с собой заключенных. Все, что придумали бесчеловечные люди – там обязательно есть. Спиральные дороги, смоляные котлы, пылающие реки. И – возможность для побега. Да! Всегда! Ты можешь найти друзей и, положим, сколько-то рулонов ткани, тайком соорудить воздушный шар. Наполнить его воздухом из котла и подняться на пятьсот метров. Там ты поймешь, что багровые луны – прожектора, а на балкончиках-террасах прогуливаются лю-

ди. Да, это те самые, кто сбрасывал фляги, с водой или пустые, немного объедков или увесистый камень. Вам зааплодируют, и вы пройдете туда, где все всегда хорошо. Много разных способов побега есть, очень странных порой, но получается у немногих.

– Загляните в мой бывший Рай, – вдруг предложил Ливи. – Это разграбление пафосного супермаркета, сражение на Перекрестке Шлюзов, а после – общение братьев в атмосфере полнейшего, знаете ли, взаимопонимания. Главное – повсеместное затихание противоречий, возникающее после совместных дел, не всегда добрых, но требующих активнейшего взаимодействия всех членов.

Иногда, после драк кварталов, порций Белого со Специями, и курева Лемуров, я говорил с Богом. Знаете, он какой? В серой накидке. Лицо не сказать, что привлекательное. Прошу посоветовать, как жить дальше правильно, но Он встает и уходит. Будто голос за кадром: «Это ты меня таким сделал».

Чафр водил пальцем по столу, будто ребенок.

– Хотите мой ад? В прежнем Интернате я на год запустил занятия. После войн Секторов, решил вернуться в школу, чтобы убедиться, что и здесь я по-прежнему, хозяин.

Все вокруг чужие и веселые, сдают тетради, я смотрю на них и выпадаю в аут. У меня – только дата и имя. И по другим предметам, ни конспектов, ни учебников, ни даже замечаний на полях. Кричи не кричи «Йоу» – ты лузер. Как я под-

нялся до прежних высот – тема для всесторонних психологических исследований. Учеба, подобная восхождению на ледяную гору, без когтей и кислородной маски.

– Может в поисках Вечности следует идти именно от начал Бездны? Шаг за шагом, наклоняясь, будто водолаз в свинцовых башмаках, уползать из провала? Всё дальше и выше, на мерцающий свет? – воодушевленно, но, мне показалось, не совсем серьёзно, проговорила Детка.

– Всегда желал освоить профессию глубоководного водолаза. Спускаться в шахты лифтов, на поиски воздушных пузырей, где, после затопления Второго яруса, как говорят, еще сохранились жилые кварталы, – заметил домен, похоже, разглядывая свое отражение в чашке с чаем.

– Бездна? Да! Мне это известно. Спускался пару раз за блок старинного колумбария, лаз в который скрывается под ступенями моей прошлой интернатской столовой, – предался я сумбурным детским воспоминаниям. – Видел многое, безобразное и привлекательное; занятное было времечко. Вот, это и есть Бездна. И черепа там присутствовали; хрусткие серые груды. Заброшенные Склады Строителей Дома. Как то само становится понятно, когда застываешь от глухого окрика; если пройдешь направо, прямо, или влево, еще двадцать шагов, обязательно отыщешь центр предсмертной тоски, Фиолетовое Сердце.

А оно найдет тебя.

Дори попросил идти с ним.

Я оторвался от пищи. Рассовал по карманам стянутые плёнкой пончики. Двинулся вслед за его колышущейся девичьей гривой.

Домен показал несколько сырых помещений. Бетон, прохода и пластиковые трубы. Не распакованные коробки. Тусклый свет.

Предложил мне работать в его Отделе Эври.

– Разрабатывать символы Вечности. Без особой документации. Вести за собой. Просвещать. Разрабатывать значки мастеров и новичков, шить красивые комбинезоны, и всё такое.

Я видел тебя через вербовщиков. Трудолюбивые руки, голова, глубокие глаза, на уме – танки и розы. Я слишком ленив для долгой работы. Мы, Лисы, убегает от старости. Если не ввязываешься в пирамиду социальных отношений, тебя не задавит время. Ты останешься красивым, можешь прельщать, оставаться молодым, сбегая прежде, чем взаимодействие между тобой и кем-то еще, станет излишне плотным.

Я хочу здесь работать, но мне трудно распоряжаться вами всеми. В большом коллективе всегда появляется свой яд, тут ничего не поделаешь, а у меня нет противоядия. Будешь моим помощником, Тур? Ведь тебя зовут так?

Кажется, я понял.

Манерный, чуть женственный, ну и что? Выпить вместо Дориана горький яд производственных отношений? Пусть! ...Первое наше изобретение. Сей и я, с участием Хетта.

Серые мешки для мусора, с эмблемой растрепанной метлы в окружении комет. Может, они станут символом работы по очищению мира от смерти?

Два последующих дня в отделе Эври никого кроме нас с Сеем и Дином, не было. Распаковывали коробки, собирали шкафы, столы, стеллажи. Вворачивай шурупы, смотри инструкции, работай отверткой – так достигнешь просветления! Ключи от помещений я, как министр Эш, носил на шее.

Детка и Ливи несколько обособились, захватывали и обу-страивали все новые помещения для своих отделов, имели изнуренный вид, и были мне уже не помощники.

Эври. Вечность. Свежее дыхание. Звучит вовсе не плохо.

Я ищу себя в зеркале

– Слушай, о, мой первый ученик!

Так, словно в шутку, говорил домен моего отделения, Харт. Он взрослый, но интересный.

Хорошим оратором быть сложно. Усевшись напротив, я лизал джем из чашки Петри, хотя предпочитаю чай с красным мёдом, изготовленным в интернатской лаборатории. Было интересно. Будто прокрался в Трубный Квартал.

...Год назад я стоял на окраине заброшенных тоннелей. Похоже на мир Средневековья. Кладбища и сады. Старые дома под ступенями новых жилищ. Вблизи исправных светильников, на комках грунта, пробуют зеленеть растения. Трубы коммуникаций, все вкривь и вкось. Новые кварталы на фундаменте из древних квартир. Хрусткая земля будто бы вся образована частичками голов и древних манускриптов. Полуразвалившиеся колодцы лифтов. Темные казематы мастерских. Можно вообразить, что в них тайно трудились алхимики. Те люди, которые могли давать дельные советы, у которых не стыдно работать подмастерьем.

Там можно было бы найти учителя. Умного себя.

Ну, или как сказать проще?!

Отыскать себе наставника не просто. Кто в трезвом уме дает советы представителям пубертатного возраста и ждет, что они обязательно будут приняты с благодарностью?

На это может рассчитывать лишь вещей череп, не принадлежащий никаким возрастным категориям. Желчный, добрый и никому, в общем, не соперник. Он нашептывает истории жизни, в которых нет огорчительных признаков наивности. Учитель, не вводящий советы указкой в ухо, не ограничивающий поиски вольноопределяющегося тинэйджера.

Лишь вечером, когда мог удобно мыслить, устроившись в постели, я понял, что рассуждения Харта не разъяснение древнего знания, а приглашение к созданию нашей Теории всего. И, значит, я буду здесь не последний.

На смену некоторому разочарованию пришло воодушевление. Я стану реаниматором из сериала. Одним из первых. Ангелом, ангелом, вызывающим дикий восторг. Учёным, препарирующим мир!

Рассматриваю себя в электронном зеркале. Рано спать! Экран показывает тело во всей его прелести. Молодой. Энергичный. Игривый жеребёнок.

Электронное зеркало. Иначе говоря, эктор. Истина и ложь в одном сосуде. Оно может показать тело со спины, сбоку, застопорить изображение, увеличить всё или часть. Представит тебя не вывернутым, как стекло с амальгамой, а правдиво.

Может и вот так.

Я прилепил на голову черную гриву с красными перьями. В Лазарете эктор – ЭМГ455, последняя модель. Поводив шариком по телу, добился увеличения объема мышц.

Явилась шея, лишенная кадыка. Не люблю угловатый, ходящий вверх-вниз кадык. Живот Конана-варвара. Подобный рельеф есть у Кувалды, старосты моего прежнего Интерната. Он играет в регби, значит, карьера ученого для него закрыта. Человек, изведавший влияние физической силы на статус и достаток, вряд ли пожелает возиться с микроскопами, даже если у него и водятся мозги. О такой карьере может мечтать, к примеру, аутсайдер всех драк, Гоу Лёш. Он то добьётся многого. Выйдет из Контракта. Организует свою фирму. Приобретёт массу сервов, которых можно стерилизовать, даже менять пол. Начнет делать ставки, устроит личную школу гладиаторов-телохранителей, готовых порвать обидчика шефа без раздумий, и всё такое.

Мордашка? вытянул челюсть, выпрямил губы, поднял брови. Густые ресницы – несколько женственно, ну и что? Жаль, это богатство не прикрепляется к природному телу, так же, как накатанное джойстиком прилипает к двойнику на экране. Ну, а так, почему не попробовать? Ну, ты, извращенец!

Каждый нормальный мальчик думал об этом. Приятно быть жеребчиком с увесистыми гениталиями. Хорошо, у меня все это есть!

Разгадал еще одну опцию модернизированного эктора. Пользователь может видеть, как изменится наружность человека, избравшего определённый вид деятельности. Ну, если бы этим он занимался много лет.

Я ввел в эктор данные медицинской карты, сбросил прежнее изображение. Нашелкал двадцать лет работы. Каким я буду, если остановлю выбор на фармацевтике? Родственные профессии – сборщик аппаратуры и составитель программного обеспечения.

Заработало!

Губы утончились. Подбородок отодвинулся назад. Живот увеличился. Ноги истончились.

Самое плачевное состояние эктор изобразил для ученого-химика, совмещающего сотни деталей с исчезающе малыми допусками. Сколько-то миллилитров того-то размешать в соответствии какому-то параметру. Пролистать том номер... надцать. Прилить раствор. Понюхать, лизнуть, прокашляться.

Глаза щурятся, разбрызгивая по вискам «морщины смеха». Мозг пьет кровь лица. Правда, знатоки в том моем Интернате утверждали, что нервным клеткам зарядка идет на пользу. Умники оставляют этот мир лет на пять позже грузчиков.

На себя взрослого смотреть жутко. То же, наверное, чувствуешь, сдвигая крышку и приступая к эксгумации хорошо знакомого человека. Волосы опять же, редкие. Тестикулы таковы, что, ухватив их в горсть, вряд ли почувствуешь обычное довольство самца.

Тело преобразуется согласно выполняемой работе. Выбрасывается всё ненужное. Векторы пищевых цепочек лепят

плоть.

Даже растения не развиваются по установленному в пыльце шаблону. В солнечном свете и тени они становятся разными. Породистые лошади, оказавшись в горах, в течение всего двух поколений, иногда даже сразу, становятся лохматыми и низкорослыми, чтобы экономить тепло. При этом сперма, яйцеклетки, кровь, нечто ещё такое, берегают масть в целости. В долине всё это восстанавливается. Чем думают клетки, отдельно от головного мозга? Каким образом понимают, какими им быть? Могу ли я сам управлять своим любимым телом? Есть ли во мне признаки высокой породы, так, что, если попаду в Рай, тут же стану летучим? О, Тур Алекс! Твоих жалких познаний недостаточно, чтобы раскрыть тайну.

Наверное, это судьба.

Остаться здесь на много-много лет. Разгуливать по коридорам, загребая ногами. Почесывать лысину, щуриться и покашливать. Витать в пространствах пентодов, ревербераторов, диффузоров, программаторов и коллекторов. Постный взгляд. Дряблый живот. Жизнь как нескончаемый повтор одного фильма. Ау! Где же то занятие, которое сэкономит масть ангельского львенка?

Чиновник Сервиса? Смотрим.

Взгляд маслянистый и хитрый. Нужен довольно высокий КИт, чтобы выбиться в менеджеры хотя бы среднего звена, надо признать. Оценка моих способностей не очень велика, всего сто тринадцать, на экзамене я принялся заполнять тест

Коэффициента Интеллекта с конца. Острый носик. Волевые складки. Неплохо развитый подбородок.

Как определить суть искателя вечной свежести? Какая служба отольет статую Конана Варвара, до макушки наполненного замечательными помыслами? Прославиться, украсть двести тонн золота, съесть много мяса, заняться любовью с красотками, убить много здоровых сильных мужчин, увидеть закрытые Сектора? Принять участие в ходе истории. Может, вид жизни офицера имперской полиции?

Офицер полиции.

Командировки по всем Секторам Дома, экспертиза человеческих душ, строгие взгляды в глаза подозреваемых, набор упражнений, повторяющих движения животных. Путешествия на разномастном транспорте, десанты в сумеречные кварталы, сражения с тварями Свалок, курорты АурумСити, автографы на девичьих грудях, их же помадой, дорогое вино, лёгкие наркотики, сигары, честь. Коронные фразы в блогах Сети, встречи с новыми интересными людьми, убийства этих интересных людей.

Скулы стискивают повелительный окрик. Не то.

Я сбросил изображения и они, рассыпавшись на квадратики, исчезли в глубинах экрана. Пора спать! День прошел. Завтра новый день.

Настоящая работа

Надо записать, кто, где и как будет работать. Трудно носить в памяти полтора десятка имен, даже мне, все-таки, отличнику Сервиса.

Белобрысый Хетт Ри останется, но точно не определено. Сектор ТерраНова. Кандидат на поступление в БиоУниверситет. Очень трудно расстался со своей овчаркой Хонни, способной выговаривать десяток слов. В прошлом Интернате основал лабораторию, предлагающую услуги по лечению зверей, она была популярна. Две вылазки на Свалку, за лечебными грибами. Агрессия, сменяющаяся самокопанием на грани шизофрении. Мечта – жить в древнем Вавилоне; ёрничество или фантазии – надо проверить.

Бинга. Сектор УниверСити. Четырнадцать лет, перспективная. Выросла в полной семье, год после продажи государству, училась в Высшем Сервисе. Специализация – биология, математика, физика, то-есть, джентльменский набор Лазарета. Засветилась на Олимпиаде УниверСити, с моделью реплицирующей себя в микроскопических полостях, химической молекулы. Желает попасть в Корпус, но и не потеряна для Эври. Мотивация – сделать что-то особенно дельное.

Макс Груденер. Тоттенхаос. В прошлом бухгалтер молодежной банды. Выживал между молотом и наковальней, умеет ладить с ребятами плохими, и необычайно плохими. Раз-

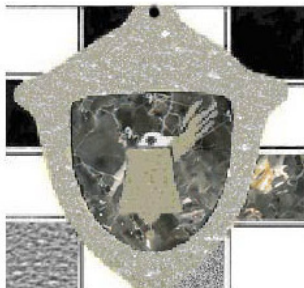
бирал игральные автоматы, сочинял собственную теорию вероятности на Железных Числах, и вбрасывал эту информацию в Сеть.

Агата. На эту визи информации маловато. Пара зарисовок с дискотеки. Танцует как просветительница душ, весталка Дико, а это очень даже круто. Держится особняком, всегда загадочно улыбается. Мастер граффити. Кажется, за это одно её и взяли в Лаз – девочка использует знаки, вводящие человека в гипнотический транс. Постояв перед разрисованной стеной, человек принимается совершать поступки, которые художник зашифровал в своих ребусах.

Деншн. УниверСити. Биолог-натуралист с задатками технаря. Характер офисный. Пара интересных публикаций; упорядочивание биологических молекул, взаимодействие взаимных подобий. Очень важно – установка, собранная в железе. Носит бутафорские очки.. По виду – будущий незамысловатый клерк, любитель кофе и секретарш.

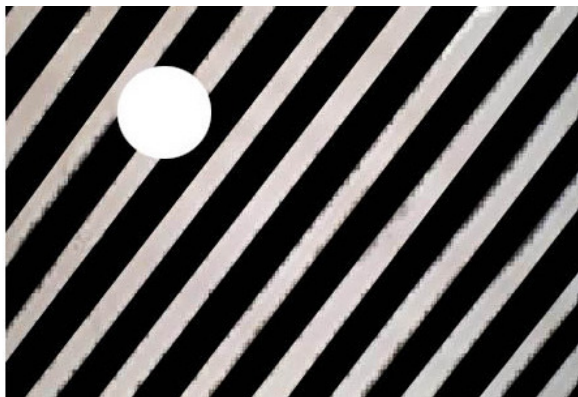
Ранним утром, как только погасли лампы «лунного света», я прошелся по коридору, постучал в двери, привел в Блок Эш рабочую группу. Прочел вступительную лекцию. Делайте хоть что-нибудь дельное, ломайте и добивайтесь положительного результата. Все споры, контакты, рано или поздно, станут легендой.

Сшили мантии. Получилось неплохо. Корпус-красный, Домен – черный, а мы, Эври – синие. Так уж получается. Вот и заготовка для эмблемы моего отдела. Выдаю на суд!

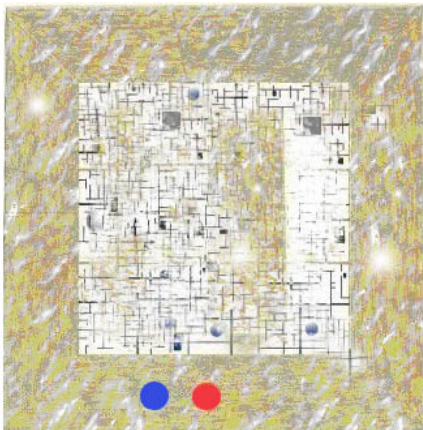

1

1. Символ отдела Эш (первый вариант)
2. Знамя Лазарета. Решетка. Белый круг – Лаз Эвакуации.
3. Вид на лаборатории превратился в Икону.

2

3

...Что делать, если человек вышел из лаборатории и двинулся бродить по корпусам? Зашел в спортзал, позанимался на тренажерах. Я нашел его спящим в своем Яйце. Выглядел новичок вполне собой довольным! И, главное, что-то с издевкой и чувством достоинства, возражал!

Впервые я пожаловался Дориану.

Дори вполне серьезен. Вообще, он, кажется, перестал изображать из себя Бродячего Лиса. Состарился года на три-четыре, это вот точно. Выпил яду учебно-производственных отношений.

– Их надо остановить, Тур. Так, чтобы они перестали прекословить и задавать вопросы, не имеющие отношения

к делу, улыбнулись и принялись безоговорочно работать. Из независимых бактерий, стали живым, разумным, многоклеточным организмом!

Пусть живут и сотрудничают, оставаясь равными. Вместе навсегда. Без тюремщиков и особых призов. Вообще без конкуренции. Может быть, нам применить тайную силу? Сеть повсюду страх, давать его наугад, как горькое лекарство, всем подряд? Чтобы люди жались друг к другу, спрашивали совета у соседа, не уходили, как вот сейчас, не отпрашиваясь у коллектива, по своему капризу. Такова ли структура вечной жизни, воплощающая принципы летучего света?

Я отчитал Хетта (это был он), велел ему заниматься своими, намеченными мной делами. Тот долго серьезно смотрел на меня, а потом выдал нечто то в том духе, мол, здесь та территория, где надо стараться понять человека, охватить его духовный мир, постараться стать, прежде всего, другом. Ну, и потом только уже тереть мозги всякими правилами, уставами, распоряжениями и хотелками.

Вечером и утром, по завету Дори, мы бьем в барабаны. Сообща танцуем вокруг столба, на широкой бетонной плите. Сначала смешно, потом, вдруг, оказывается, что это круто. Сверяем желания и исповедуемся. Затем приходим на Кухню и пьем Общий Чай. Я сказал «Общий Чай»? Запишу еще раз, чтобы помнить всегда. Смысл в том, что каждый из нас должен чуть-чуть туда поплевать. Опять смешно? Значение есть! Во-первых, образуется общая, постыдная тайна, кото-

рая нас раскрепощает во всем остальном. Во-вторых, кружок посвященных обменивается прыгающими вирусами, самостоятельными кусочками ДНК, от внедрения которых зависит фенотип, характер и даже отдельные мысли.

Продлеваем мысли с помощью заговоров, вроде того, как, «Будь моя воля тверда, как эта плита».

Правда, прежде чем участники начали работать вместе согласованно, пришлось еще раз надломиться. Три дня без еды, на контроле друг у друга – недурное упражнение для Совмещения Сознания. Бег на тридцать километров по коридорам вокруг Ангара, медленно или быстро, это как ты можешь, только бы не стоять на месте. После этого – по горсточке пророщенных зерен из рук друг друга, и слезная исповедь.

Вот тогда, когда люди становятся кроткими, как голуби, можно объяснить, что нам нужно сделать.

И – разработать обстоятельный план.

Дориан крутился с нами, если только не спал в жилище доменов – Планетарии. Вместо потолка искусственное небо с выпуклыми планетами, вот его суть. На танцах вокруг столба, и в Слезных исповедях, он пытается перекачать в нас кое-что из своей позапрошлой жизни. Рассказывает истории о порядках во всех Секторах Дома и вызывает на ответную откровенность.

Виу-у! смаргиваю и, иногда показываются картины иного мира. Это как стошнить после отравления – так же неот-

вратимо, гадко, но и приносит замечательное облегчение. Безумные, разрозненные, привлекательные идеи по всем областям. Экраны в поле зрения, не знаю, как вам это все запротоколировать. Словно у компьютера – все новые и новые Окна, которые можно легко листать.

Дориан популярен. Разбрасывает свои идеи повсюду (теперь вижу) словно бриллиантовые браслеты. Пытаюсь поймать мантию его ауры, летучести и физической красоты. Миром своего сознания и тела можно управлять, если осмелишься одеть странное украшение, будешь смотреть и не отрываться, даже, если увиденное покажется страшным. Довольно занятно – идти по одной дороге с Серебряным Лисом.

Мне да.

Первый опыт скачивания файлов мозга

Вчера я определенно вошел в соприкосновение с информационным полем Дори. Словно настроил древний телевизор, настырно клацая тумблером. Я увидел того, кто был им до рождения Лиса. Минус восемнадцать жизней разного размера.

Все объекты покрылись обёртками дрожащих аур, в которых проглядывались подобные им предметы. Мир почти как у нас. Одно не отделить от другого, в этом сочетании есть энергия.

Как будто существуют два Лазарета. Один наш, где мы сейчас, а другой его древнее в нем отражение. Такие вот многомерные тягучие, но жизнерадостные чувства. Как их вам представить? Самый намек.

Допустим, смотришь фильмы, снятые лет двести пятьдесят назад. Весёлые и жизненные. И долго не поймешь своей печали. И, дело то вот в чём. Ведь никто из артистов, которых воспринимаешь уже как лучших друзей, не мог дотянуть до моих живых дней; ни та девочка, выглянувшая из вагона, ни солидный обладатель лакированных ботинок, и ни прозревшая хозяйка цветочного магазина.

Воспоминания – словно осколки единого мира. И, в аурах можно уже отчетливо разглядеть, прилепившиеся к нынеш-

ним вещам, в чем-то подобные им, или уже совсем другие объекты.

Увеличенные голодным взглядом, словно лупой, крошки серого хлеба. Чугунные радиаторы. Жутковато гудящие лампы белого света. Колючая проволока, четырехмоторный самолет в небе, тусклый снег и стайка цыплят на нем. Тоннель с золотой надписью на угольной стене. Болезненные, милые люди. Другие, но томительно похожие на нас.

Откуда вы во мне? Вы добро или зло?

Другой я, оглядываюсь на далёкий, протянувшийся до космоса, уже увядающий огненный цветок.

В мире прошлого Лазарета можно двигаться самостоятельно, но, с большим трудом. Еще шаг по своей воле, и мир подобного прошлого истаивает. Нельзя самостоятельно мыслить в прошлом времени, иначе потустороннее видео гаснет.

На излёте видения я определяю, кто те птички, бесцельно блуждающие по равнине. Вовсе не курочки. Слепые чайки.

Так Дори себя выдавал.

Позапрошлая жизнь существует. Хотя бы нафантазировать ее, но она, оказывается, правда.

...Третий месяц работы в Лазарете. Я неплохо ориентируюсь в коридорах Лазарета. Что-то капитально и кардинально меняется. Малыш Альгор, носитель прогерии, стал завсегдаем Приходов (Блоков, Приходов, попросту, отделов) Лаза, и перестал стареть. Ушла нервная ведьма Элизабет, протеже профессоров, оставив воспоминания о хрустальном ша-

ре, бордовой помаде и синих свечах, зато расцвела Агата, на которую приятно смотреть.

На Кухне мой отдел Эш сегодня трудится в полном составе. Если совместно заниматься приготовлением еды, можно эффективно распределять роли, устанавливать связи, смеяться и танцевать, вынашивать, и воспитывать самые разные блюда.

Лазарет превратился в подобие пассажирского самолёта. Переборки, отсеки, иллюминаторы, пульта, мониторы, удобные кресла. Повсюду постоянный гул тайных двигателей.

Согласования по всем вопросам проходят очень быстро. Никогда бы не поверил, что можно быть столь трудолюбивыми. Или нам подмешивают допинг?

Я пишу это сейчас на ужине, в Кухне. Я ведь здесь, это я, в неплохом настроении, Алекс Тур Ной.

В аквариуме посреди зала безмятежные золотые рыбки. Детка говорит что-то. Чафр палочками катает ролл.

Надо запомнить.

Следующая глава – продолжение работы выдуманных, на сто процентов положительных персонажей. Не могу изобразить их с недостатками, как положено в нормальной книге, для развития и поворота сюжета. Сражений, с пулями и мечами, магическими талисманами, не будет. Пусть просто работают.

Есть эксперименты, лекции, ода колонии деятельных ангелов. Всё, что поможет открыть Вечные Двигатели, явля-

ющимися заодно Машинами Времени, а также Алтарями – преобразователями всего по заданному образцу.

Важно представить дух поиска. Автору неинтересно складывать фразы просто для того, чтобы читатель получил удовольствие от суетливых движений. Пусть слова обрастут плотью, привлекут его к творению.

Надеюсь Богу понравится, то, что представлено здесь?

Информация вакуума

Если собираешься открыть сундучок с секретом, измельчай, укрупняй, сближай и разделяй. Заставляй мир общаться. Проверь все его ответы.

Что произошло за эти полгода? Вербовка на окраине Уль-Карбона. Неделя в безлюдном Лазарете, затем – Аква, Ливи, Сей, Хетт, Агата, Бинга. Люмен Дори. Приход Эври. Начало работы. Значки, мешки, мантии и нашивки. Первые пробы перекачки души. И вот, новое направление исследований!

...Включается дежурный свет.

На столе книги, бутерброды и чай. В ночное время старшему смены можно хлестать его в неограниченных количествах, из неиссякаемого бойлера, хлебать джем, встречаться с бессонными друзьями. Бродить по корпусам. Выявлять на глаз недостатки чужих конструкций.

Мысли превращаются в заумь, хохот, или вырываются в свет, словно бабочки из червячков.

Мы с Деткой, Деншном и Ливи, вода ложками в черном джеме, говорим о бессмертии.

– Сложно представить образ жизни вечного человека, правда? Вот, представь, я именно такой; наблюдаю рождение звёзд, расцвет Вселенной, затем ее катастрофическое сжатие и превращение в первичное Яйцо. Привычки, бывшие некогда весьма экстравагантными, устаревают максимум че-

рез пятьдесят лет. Я попадаю в одну и ту же ситуацию. Часто? Теперь всегда. Можно представить, как пульсирует в душе бессмертных мучительное чувство дежавю.

Вот, Вселенная снова сжимается в эмбрион, величиною, как предполагают ученые, с электрон. Хотя, другие мужи науки полагают, что электрон собственных размеров не имеет. Я, по условию, вечный, бессмертный индивид, зябну вблизи него, ожидая следующего Большого Взрыва. Как вам эти эмоции?

– Такое чувство, будто бы ты голый и мокрый в электрическом шкафу, вблизи гудящих проводов, ждешь короткого замыкания. Страшно, неудобно.

– Подумаем о том, что нисколько не боится Большого Взрыва.

Идеи.

Если всё вокруг умрет, они останутся. Цифры не погибают. И всё то, что они извлекают из предельно населенной пустоты мира идей; графики, фигуры, формулы, описываемые ими процессы и формы.

Теория вероятности реально вечна.

Каждый игрок желает знать все её законы. Они универсальны. Игральный кубик, на этом столе, или в другом, потустороннем, прошлом или будущем мире, явит единицу в среднем один раз из шести. С увеличением количества бросков эта вероятность нисколько не меняется.

Так ли все просто? Или есть нюансы, именуемые скрытой

Силой Созидания? Можно предположить, уже сейчас есть люди, пользующиеся секретной теорией вероятностей. Знают, когда и где выпадает счастье.

Усложним.

Игральный кубик (продолжим так называть) может иметь множество граней. Каждому новому выпавшему значению поставим в соответствие определенную точку графика. Учились же вы математике? Что, если кубиков много, их движение зависит как друг от друга, так и от формы стола? Пусть каждый очередной акт падения изменяет поверхность. Изменим доску Гальтона так, что она покажет вовсе не унылое Гауссово распределение проскочивших сквозь частокол штырей шариков. Этот немудрёный механизм, имеющий память, работающий по простейшим правилам, как интуитивно вы можете предположить уже сейчас, рождает удивительные узоры. Спирали, круговороты, ручейки, островки ... да, бесконечный душ зашифрованной информации.

Можно вообразить, есть нечто выше высшей математики, выводящей совершенно бессмысленные рисунки, как то, известные множества Мандельброта, фракталы, образуемые воспроизведением фигур в самих себе. Теория Вероятности Самого Господа Бога! Ею определяется все разнообразие мира.

Известно такое взаимодействие частиц света с веществом, как «поглощение», «частичное отражение», «отражение», «прохождение», струящегося сквозь материю луча. Они со-

ответствуют логическим элементам «или», «и», «нет», да». Материя и свет – знаете ли, проигрыватель файлов Природы.

И вот, пока вы, Детка и Ливи, занимаетесь в своих отделах неизвестно чем, мы, в Приходе Эври, создали физическую модель процесса Творения. Смоделировали игру Природы. Все просто. Если наэлектризовать песчинки, кластеры, – считай, игральные кубики, поставить на пути их падения решетки-сита, прямые, но практически неузнаваемые потомки известной доски Гальтона, выявляются колоссальные, чрезвычайно интересные массивы информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.